

Е.Н. Харламенко А.В. Харламенко.

**"Многополюсный мир" или империалистическая глобализация:
реальна ли альтернатива?**

Политическое наступление "новых правых" сил сначала в ведущих империалистических странах, а потом и в нашей стране сопровождалось дискредитацией интернационализма и ренессансом двух типов мировоззрения, сопутствовавших капитализму от самых его истоков, - космополитизма и национализма.

Первое мировоззрение - прозападный космополитизм - пропагандировали у нас так называемые демократы, на деле радикальные неолибералы. Пусть по всему миру распространяются "рынок" и "демократия", торжествует то, что в последние годы получило название глобализации, - и все проблемы будут решены. Воплощением подобных представлений во внутренней политике был гайдаровско-чубайсовский этап так называемых реформ, а во внешней - деятельность небезызвестного Козырева и его коллег.

Но, поскольку приобщение России к "западной цивилизации" на американо-швейцарский лад не состоялось, популярность такого рода идей оказалась недолгой. На смену им пришел род второго мировоззрения - идеология "державности", сильной государственной власти, охраняющей национальные интересы. Именно это мировоззрение, как в официальной, так и в оппозиционной разновидности, выступает сегодня основным противником марксизма. Каким же видится сквозь его призму мировая ситуация начала XXI века?

Мир предстает "державникам" разделенным на страны "золотого миллиарда" и эксплуатируемые ими остальные, классовые противоречия - отошедшими на второй план или, в лучшем случае, перешедшими в сферу межгосударственных отношений. Для человечества они видят два пути: либо вымирание под игом глобализаторов, либо объединение всех противостоящих им сил во имя защиты

цивилизационной самобытности и создание альтернативы нынешней модели глобализации - "многополюсного мира".

Так, Г.А.Зюганов недавно утверждал: "Новой формой борьбы капитализма за мировое господство является борьба "общечеловеков" всех мастей против национальной самобытности народов, борьба либерализма против исторической Традиции, борьба кучки международных финансовых воротил против суверенности и независимости национальных государств. Еще в своем Политическом завещании Ленин прямо связал победу социализма с победой национально-освободительной борьбы угнетенных народов." Ленинские мысли о национальном освобождении произвольно отождествляются с поддержкой религиозной в своей основе "Традиции". И это – не случайность, а четко обозначившаяся тенденция. Предоставим опять слово лидеру КПРФ: "...Сегодня уже вполне очевидно, что Россия не устраивает архитекторов нового мирового порядка не только как главный носитель альтернативного капитализму социалистического пути развития (сегодня? Авт.), но – шире – как древняя самобытная цивилизация, со своей самостоятельной системой духовных, нравственных, общественных и государственно-политических ценностей..."

С позиций "державности" Г.А. Зюганов, Ю.П. Белов и их единомышленники не раз заявляли об исчерпанности лимита на революции, о необходимости встраивания оппозиции в структуру правящего режима и идейного скрещивания марксизма не то с "самодержавием, православием, народностью" в духе графа Уварова, не то с пришедшими со зловредного Запада " двумя новыми (? Авт.) подходами, уже показавшими свою эффективность (? Авт.) в последние годы: геополитическим и цивилизационным ". Такое "обогащение" ленинского наследия позволит "создать серьезную научно-методологическую базу, соответствующую реалиям современного мира и способную стать мощным орудием подготовки комплексной стратегии возрождения Великой России."¹

Возрожденную Россию "державники" представляют себе не звеном мирового революционного процесса, не страной социалистического лагеря, а

одной из региональных держав, центром притяжения стран “бывшего СССР”. В этой роли она должна иметь сильную армию, “правительство народного доверия”, поддерживать “национальное предпринимательство”, развивать “равноправные отношения” с другими странами и руководствоваться идеологией “державности”.

Попыткой практической реализации этой программы, хотя и в урезанном виде, была деятельность правительства Е.М. Примакова (1998-99 гг.), в которое входили министры от КПРФ. В тот период концепция “многополюсного мира” официально провозглашалась основой внешнеполитической доктрины России. Была даже извлечена из запасника ленинская (!) идея союза России, Китая и Индии. Не осуществленная за 40 послевоенных лет, когда на это действительно были серьезные шансы, она по иронии истории была предложена правящему классу нынешней России, тесно связанному с империалистическим капиталом. Возлагались надежды также на сближение России с Евросоюзом: ожидалось, что по мере роста могущества ЕС будет расти и его независимость от США.

Крушение иллюзий началось через считанные месяцы. Страны ЕС дружно приняли участие в агрессии против Югославии - традиционно дружественной России страны, где к тому же стоял у власти режим, идеологически близкий нашим “многополюсникам”. Интегрированная Европа, которой никто не угрожал, принялась таскать для дяди Сэма каштаны из огня в ущерб собственным геополитическим интересам и курсу евро. Капитаны ЕС не проявили ни малейшего желания подрывать стабильность мировой системы империализма даже ради перспективы замены доллара на евро.

Администрация Путина меньше говорила о многополюсном мире, зато еще более активно проводила курс лавирования между “центрами силы”. С одной стороны - визиты в Пхеньян и Гавану, с другой - продолжение неолиберального курса, попытки вступления в НАТО, подыгрывание прозападному путчу в Югославии. С одной стороны - развитие отношений с Китаем, с другой - форсирование военного сотрудничества с Индией. С одной стороны - продолжение начатых Примаковым попыток восстановить позиции на Ближнем

Востоке, с другой - возобновление войны в Чечне, начатой не в последнюю очередь в угоду тем, кто заинтересован в противопоставлении России мусульманским странам. С одной стороны – довольно резкая критика гегемонистских замашек ушедшей администрации Клинтона, с другой – заигрывание с правыми республиканцами и их кандидатом Дж. Бушем-младшим. В этом благородном и на редкость дальновидном деле приняли участие и оппозиционные "державники" - достаточно вспомнить прозвучавшее с трибуны митинга 7 ноября (!) 2000 года заявление Зюганова: "Конечно, мы за Буша – он за приоритет национальных интересов, он против либералов, он меньше будет вмешиваться во внутренние дела России" (автор, не имевший с собой диктофона, не ручается за точность цитаты, но смысл был именно таким).

Сейчас по этой политике лавирования и ее идеологическим основаниям нанесен сильнейший удар. Президент США Буш недвусмысленно поставил весь мир перед выбором: "Кто не с нами, тот с террористами." Правители нынешней России сделали выбор. Президент Путин и послушная Дума молниеносно, до всякого серьезного анализа, не просто выразили осуждение актов террора, а солидаризировались с "ответными" действиями США против так называемого международного терроризма, причастность которого к происшедшему никак не доказана. В считанные дни эта солидарность получила конкретное выражение в плане вовлечения России в "антитеррористическую операцию" и повторной заявке на сближение с НАТО. Никого не остановила ни неизбежность вооруженной конфронтации на южных рубежах, ни непосредственная перспектива появления здесь военных баз США.

Как же выглядят в свете этих событий представления наших многополюсников и державников?

От двуполюсности мира к ...?

После Второй мировой войны в мире *объективно* сформировалось два полюса – СССР и США. Исключительность их положения породила наименование "сверхдержавы", не выражавшее, однако, его сущности. Это были не просто великие державы, а именно глобальные *полюсы*, которые в данном своем конкретно-историческом виде взаимно предполагали и взаимно уравнивали друг друга.

Двуполюсность международных отношений встречалась в истории и раньше, но в середине XX века она впервые приобрела характер классового противостояния. "Полюсы" поэтому оказались центрами двух систем государств, а отношения между ними приняли глобальный масштаб и охватили все сферы жизни общества: экономическую, политическую, военную, идеологическую.

Правда, двуполюсность мира в таком всестороннем виде просуществовала не более 15-17 лет (с 1945 по 1960-1962 гг.), а в 60-е - 80-е гг. в полной мере сохранялась лишь в военной сфере. Эта ограниченная двуполюсность и обеспечивала реальную *полицентричность* мира во всех остальных отношениях. Западная Европа гораздо менее зависела от США (вспомним выход Франции из военной организации НАТО и неприятие войны США во Вьетнаме почти всеми их союзниками), а Центральная и Юго-Восточная - от СССР (вспомним экономические реформы в Польше и Венгрии, политический курс Югославии, Румынии, даже маленькой Албании), чем в 90-е годы оба эти региона от США. Само собой разумеется, что никто не посмел бы тогда устроить войну на Балканах, чтобы сбить курс европейской валюты. Страны ОПЕК в 70-е гг. резко повысили цены на нефть, и хотя в США сразу же начали строить планы интервенции в духе будущей "Бури в пустыне", их пришлось оставить на бумаге почти на 20 лет. Китай имел возможность проводить независимую политику, держась на равном расстоянии от обеих сверхдержав. Вьетнаму и КНДР долго удавалось удерживать баланс отношений с Москвой и Пекином. Япония, несмотря на "договор безопасности" с США, представляла собой самостоятельный экономический и политический центр на Дальнем Востоке. То

же в большей или меньшей степени можно сказать о ряде крупных держав “третьего мира”: Индии, Пакистане, странах АСЕАН, Иране, Ираке, Ливии, Алжире, Бразилии, Мексике. В силовом поле, образованном противостоянием сверхдержав, могли образовываться и действительно образовывались более или менее самостоятельные региональные центры.

Региональные центры как таковые не предполагают с необходимостью друг друга. Это обстоятельство, взятое в отрыве от их существования в "силовом поле" глобальных полюсов, порождало представления о "плюрализме" путей развития. Будучи в конечном счете утопичными, эти представления не были лишены антиимпериалистического потенциала. Вспомним, какую роль в международных отношениях того времени играло Движение неприсоединения. Само появление термина “третий мир” (ныне закономерно исчезнувшего из обихода) свидетельствовало об относительной свободе действий, которую бывшие колонии и полуколонии имели именно вследствие равновесия сил двух других “миров”.

С разрушением Варшавского пакта и европейской социалистической системы и распадом СССР биполярно-полицентрическая система международных отношений была сломана. Это явилось сильнейшим потрясением для нескольких поколений, свыкшихся с послевоенным мировым порядком. Мир стал представляться однополюсным, т.е. подчиненным диктату единственной сверхдержавы. И вот тут-то появились в общественном сознании концепции многополюсного мира. К ним обратились не только националисты различного толка, но и серьезные политики, например руководители КНР. Им представлялось, что противостоять диктату единственного “полюса” может некий глобальный концерт региональных объединений и держав: Европейского Союза, Японии, России, Китая, Индии, Бразилии, арабских стран и т. д. - нечто вроде концерта европейских держав XIX в. или проектов коллективной безопасности 30-х - 50-х гг. XX в. Таким путем, считали они, будет создан баланс сил и США потеряют возможность диктовать миру свою волю.

Однако, однополюсный или многополюсный мир, в отличие от двухполюсного, - нонсенс как с точки зрения физики, так и с точки зрения истории. По существу, концепция многополюсности есть исторически ретроградная концепция регионализма. Выдвигающие ее вольно или невольно остаются в плену геополитических представлений, возникших во времена, когда центры экономического развития и политического влияния в основном совпадали с национальными государствами и историческими регионами. Но уже сто лет назад империалистические монополии начали размывать эту систему путем экспорта капитала и раздела мира на сферы влияния.

В свое время В.И. Ленин, выделяя пять признаков империализма, отмечал различную степень зрелости двух последних: "...Начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами"². Исторически новый раздел мира на сферы влияния между союзами монополий был тогда еще подчинен разделу территориально-государственному, возникшему задолго до эпохи империализма. На протяжении большей части XX века тенденция к транснационализации капитала была заторможена и даже отчасти повернута вспять, во-первых, раннесоциалистическими революциями, выведшими значительную часть мира из сферы империалистического господства; во-вторых, возникновением после кризиса 1928-33 гг. *национального* государственно-монополистического капитализма (ГМК); в-третьих, мощным подъемом национально-освободительного движения не только на зависимой периферии капиталистической системы, но в годы Второй Мировой войны даже в Европе. Межимпериалистические противоречия в основном совпадали с противоречиями между империалистическими *государствами*, выступавшими как крупнейшие в ту эпоху монополии. Поэтому другим государствам - и раннесоциалистическим, и национально-капиталистическим, - а также рабочему и антиколониальному движению, развивавшемуся главным образом в рамках отдельных стран, нередко удавалось эти противоречия использовать. Борьба шла в одной весовой категории.

Именно к этому опыту и призывают нынешние "державники", не представляющие себе иного прогрессивного движения, кроме *национально-освободительного*. Они забывают, если когда-либо знали, что даже в первой половине XX века такой ход событий рассматривался Лениным как "развитие Европы *назад* на несколько десятилетий."³ Магистральная тенденция капиталистического развития со временем должна была взять и взять свое. Государства перестали быть *крупнейшими* монополиями. В 70-е годы прошлого века на роль ведущей силы мирового капитализма начали выдвигаться гигантские транснациональные корпорации (ТНК), чья географическая привязка была временной, обусловленной историей и социально-политическими условиями, но не магистральной тенденцией экономического развития. Не случайно именно в эти годы создаются транснациональные консультативные органы, такие, как Мировой экономический форум, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб - первые зачатки транснациональной политической надстройки над транснациональным же базисом. Уже четверть века назад главным конкурентом США называли *американский капитал в Европе*. Страны Дальнего Востока сохраняли облик национального ГМК дольше. Но в 90-е годы на фоне глубокого экономического кризиса и здесь развернулся беспрецедентный процесс транснационализации капитала. На рубеже веков в мире поднялась новая волна слияний корпораций, создающих супергиганты американско-европейского или американско-европейско-дальневосточного происхождения.

Как же влияют эти процессы на четвертый и пятый признаки империализма, которые в упомянутой статье Зюганова оказались почему-то соединены в один?⁴

На первый взгляд кажется, что происходит раздел мира на сферы влияния трех метропольных центров империализма, причем каждый развивает экспансию в первую очередь в традиционных направлениях: США - в Западном полушарии и на Ближнем и Среднем Востоке, ЕС - на востоке и юго-востоке Европы, Япония - на Дальнем Востоке. При этом ЕС довольно спокойно воспринимает усилия США по превращению Западного полушария в зону свободной торговли, США, в свою

очередь, - расширение ЕС и план Шредера-Путина по обмену долгов России на германские инвестиции, а в Токио гораздо больше озабочены аннексией Курил, нежели свержением в Перу своего соплеменника А. Фухимори, который после кровавого подавления левых сил и разгона парламента вознамерился было - в духе наших патриотов и при их одобрении - противопоставить японское влияние американскому и под конец попытался в открытую стать на позиции многополюсного мира.

И дело здесь не в том, что "присваивая себе функции, изначально (? Авт.) свойственные государству, современные ТНК приобретают все более зримые черты суверенности (? Авт.), до сего момента свойственные только исторически сложившимся национальным государствам".⁵ Транснациональные корпорации, в отличие от шибко умных граждан бывших советских республик, за "суверенитетом" не гонятся. Соперничество ТНК за сверхприбыли и политическое влияние разворачивается совсем в ином поле - в жестких рамках, заданных переплетением интересов этих ТНК в глобальном масштабе (тенденцию к этому заметил уже Ленин). То, как именно они делят между собой мир, уже не определяется интересами и возможностями "их" государств и интеграционных блоков. Наоборот, возможности государств и блоков все больше зависят от их места в системе ТНК. Стратегия и тех и других диктуется потребностями максимизации прибыли и стабилизации классового господства транснациональной буржуазии в глобальном масштабе. И "традиционные", казалось бы, направления экспансии определяются уже не столько соотношением сил между метропольными центрами, сколько тем, какое их распределение окажется прибыльнее для всех ТНК. Латинская Америка географически и исторически более доступна экспансии монополий, происходящих из США, а Восточная Европа - ЕС, что не исключает экспансии других "центров" в те сферы экономики, где у них имеются преимущества. Сиюминутные интересы той или иной ТНК приходится так или иначе вписывать в эти рамки.

Таким образом, раздел мира между транснациональными союзами монополистов, адекватный империалистической стадии капитализма, стал определяющим, и территориальный раздел мира все больше подчиняется ему. Ясно, что в этой ситуации межимпериалистические противоречия становятся существенно иными. На первый план выдвигаются, по-видимому, противоречия не между региональными интеграционными блоками и уж подавно не между входящими в их состав государствами, а между разными типами ТНК, представленными во всех этих блоках, во всех или почти всех частях мира. Именно столкновения интересов разных групп и типов ТНК в наибольшей степени влияют на мировые события последних лет.. В числе наиболее могущественных ТНК можно выделить: транснациональные банки, приумножающие капиталы прежде всего посредством спекулятивных операций в "виртуальной экономике"; сырьевые, прежде всего нефтегазовые, монополии; корпорации-производители компьютеров и программного обеспечения к ним; транснациональные концерны масс-медиа; авиационные и автомобильные корпорации, лидирующие по числу филиалов и занятых в них работников, но и наиболее уязвимые во время кризисов.

Новая транснациональная олигархия состоит из банкиров, топ-менеджеров, выражающих их интересы политических функционеров, которые легко перемещаются из одной корпорации в другую, из страны в страну, даже с континента на континент. Вспомним хотя бы небезызвестного Джеффри Сакса, реформировавшего на неолиберальный лад сначала Боливию, потом Польшу, потом Россию; или аргентинца Доминго Кавалло, проделавшего то же самое сперва на родине, потом в Эквадоре, а затем едва не пересаженного на освобожденное Дж. Саксом место главного советника Ельцина; после всего этого он уже из кресла премьера Аргентины провел новый раунд "жесткой экономии" за счет трудящихся и привязку песо к доллару. Они и многие им подобные не раз обвинялись в коррупции, даже оказывались под следствием, но какая-то невидимая сила всякий раз помогала им выйти сухими из воды. Эта сила –

глобальная связь транснационального капитала, формирующая "номенклатуру" покрепче, чем при любом "тоталитарном" режиме. Неудивительно, что представителям этой новой олигархии мало дела до судеб "своих" стран, а при определенных условиях – даже "своих" корпораций: их карьера определяется не национальными и даже не прежними корпоративными, а глобальными транснациональными связями, их специфическая квалификация будет востребована в любом случае. Они пекутся лишь о своих интересах и интересах "своего круга". Вот пример: сразу после беспрецедентной забастовки инженеров и техников завода "Боинга" в Сиэтле, которым едва удалось добиться годовой премии в 4-5%, совет администрации назначил самой себе премию за 1999 год размером в 1,9 миллиона долларов – 174% (!) годовой зарплаты – и это при сильно пошатнувшихся делах.⁶

Современную транснациональную олигархию нельзя смешивать с прежними международными организациями "элиты": католическими, масонскими, сионистскими и т.п. Реальность очень далека от фантазий национал-патриотов на этот счет. Отметим хотя бы наступление протестантских сект на позиции международно организованного католицизма, разгром масонской ложи П-2, раскол международного сионизма и явное ослабление его влияния на ближневосточную политику США. Последние два десятилетия отмечены не всевластием, а глубоким кризисом прежних элитарных объединений, которые были приспособлены к старой структуре финансового капитала и международных отношений, разрушаемой ныне империалистической глобализацией. На арену выходят транснациональные институты нового типа, связанные на сегодняшний день, во-первых, с мировыми финансовыми институтами типа МВФ и Всемирного банка, во-вторых, с региональными интеграционными объединениями типа Евросоюза, в-третьих, с форумами финансистов и политиков типа давосского. Именно эти органы, теснейшим образом связанные с ТНК, направляют экономику и политику целых государств, бесцеремонно подчиняя себе конституционные органы власти.

Единственная сверхдержава?

Транснационализация монополистического капитализма и составляет, на наш взгляд, сущность "глобализации". Строго говоря, капитализм был глобальной системой со времен своего формирования. Но прежде его глобальный характер опосредовался национально-государственными рамками социальных процессов, с 70-х же годов XX века все больше проявляется непосредственно. Географические центры капиталистической системы постепенно превращаются в видимость. Исторические метрополии еще некоторое время будут существовать как привилегированные регионы, но подлинное экономическое господство будет связано с ними все меньше и меньше. Даже если они сохранятся надолго, то лишь потому, что превратятся в резиденции транснациональных сил, наиболее им удобные по каким-то, не обязательно экономическим, причинам.

Сейчас в США видят единственную сверхдержаву, осуществляющую с перспективой на будущее пресловутое "мировое господство". Но присмотримся к этой сверхдержаве повнимательнее. То, что представляется господствующим положением США в мировой капиталистической экономике, уже лет тридцать основывается не на их доле в мировом общественном производстве, а на навязанном в условиях "холодной войны" долларом стандарте взамен золотого. Федеральная резервная система США может буквально щелчком "мышь" привлечь капиталы со всего мира - достаточно повысить учетные ставки. Именно так финансировалась вторая половина "холодной" – а для значительной части мира горячей – войны, закончившаяся подрывом и разрушением раннего социализма в Европе. Ради классового самосохранения и реванша мировой капитализм кредитовал США как свою ударную силу. Выдача безвозвратных кредитов продолжается и после того, как эти цели вроде бы достигнуты. Система глобального перераспределения долларов превратилась в род финансовой пирамиды. Ее существование выгодно лишь "гениям финансовых проделок", но

обвал ее грозит всему мировому капитализму такими потрясениями, каких не хочет никто.

Такое положение ставит перед нами вопрос: *кто*, собственно, господствует в этой системе – США как экономическое и политическое целое или транснациональные корпорации, *использующие* США, как и другие государства, в *своих* интересах? Не перестает ли на наших глазах единственная сверхдержава быть *сверхдержавой* и не превращается ли в сверхрезиденцию транснациональной олигархии и мирового сверхжандарма на ее службе?

США - в самом деле идеальная резиденция новых глобальных сил, реальных претендентов на роль мировых господ, и идеальный мировой жандарм. Это – единственная из крупных держав, которая по существу не является и никогда не была *национальным* государством. Ее политическая система, сложившаяся более 200 лет назад, - поистине окаменелость времен внутренних таможенных границ и депутатов от "гнилых местечек": нигде в мире давно нет ни партий, представляющих собой лишь предвыборные клубы, ни избрания президента выборщиками, при котором не соблюдается принцип "один человек – один голос." Отдельные штаты сохраняют за собой многие функции государства, поэтому проведение в жизнь всякой прогрессивной меры – от равенства в оплате женского и мужского труда до преподавания дарвинизма – превращается в почти неразрешимую проблему. Федеральная власть фактически не может быть *центральной* властью. Вооруженные силы на всем протяжении истории были в основе наемными. Кратковременные периоды введения воинской повинности не успевали изменить этот их характер. Как всякая армия, состоящая из ландскнехтов, они никогда не были по-настоящему национальными. Нынешняя вполне профессиональная армия тем более не является национальной. Она будет воевать за того, кто больше заплатит, и против кого угодно.

После событий 1990-х годов, когда резко усилился поток иммигрантов, США окончательно превращаются в империю ренегатов, подобную поздней Римской и Османской; точно так же, как и там, ключевые посты в США могут занимать

выходцы откуда угодно, как, например, Збигнев Бжезинский, Мадлен Олбрайт, Колин Пауэлл. В стране - правильнее сказать, на территории – уже давно существуют различные эмигрантские “общины”, само возникновение которых было одним из первых проявлений капиталистической глобализации. Интересы их отнюдь не всегда совпадают с общеамериканскими, но они не совпадают и с интересами "исторической родины", которую эти люди или их предки покинули по экономическим и иным причинам. Зато они не могут не совпадать с интересами экспансии транснационального капитала в регионы, с которыми эти квазинациональные сообщества сохраняют те или иные связи. Особое место занимают общины выходцев из стран Центральной и Восточной Европы, Восточной Азии и с Кубы, которые в значительной мере состоят из лиц, бежавших от революций, и их потомков. В них особенно велико влияние крайне правых сил, превратившихся за годы "холодной" и горячих войн в профессионалов экспорта контрреволюции и политических провокаций. Пользуясь особым покровительством господствующего класса и располагая сами немалыми капиталами, эти силы приобрели совершенно не пропорциональное численности влияние. Это явление, давно уже характерное для США, приобретает теперь качественно новый характер, становясь важным каналом транснационализации.

На последних президентских выборах флоридско-кубинская *эмигрантская* мафия, руководимая “Национальным (!?) кубино-американским фондом” (Fundación Nacional Cubano-Americana) небезызвестного Х. Мас Каносы (Jorge Mas Canosa) и его наследников, сумела навязать сверхдержаве в президенты кандидата, набравшего на 600 000 голосов меньше, чем его противник. Чьи же интересы будет защищать этот президент - страны или сил, поставивших его у власти? И что это за силы? Буш-младший теснейшим образом связан с латиноамериканским направлением экспансии транснационального капитала. Техас и Флорида - штаты, где нынешний президент и его брат политически дебютировали и которым клан Бушей обязан более чем сомнительной победой на

президентских выборах, - географически и экономически ориентированы на юг. Первой страной, куда новый президент нанес визит, была Мексика, с 1994 г. связанная с США и Канадой соглашением о североамериканской интеграции (НАФТА). Показательно, что это соглашение и особенно планы подключения к нему других стран Западного полушария вызвали упорное противодействие в конгрессе США. Не потому ли новую администрацию и пришлось приводить к власти полулегальным путем?

И эта администрация сразу же начала форсировать создание зоны свободной торговли Северной и Южной Америки, нацеливаясь на поглощение всего полушария... кем? Соединенными Штатами? Фидель Кастро резонно говорит, что если США и удастся поглотить Латинскую Америку, то никогда не удастся ее переварить. Но к последнему, очевидно, никто и не стремится. Интересы большинства населения США заботят ТНК меньше всего. Поглотить и переварить *обе* Америки твердо намерен именно транснациональный капитал, и еще вопрос, какая из них при этом изменится сильнее.

В таких условиях даже борьба рабочей аристократии за сохранение своего жизненного уровня оказывается противостоянием империализму. Примером может служить проведенная в начале 2000 года 40-дневная забастовка инженеров и техников головного предприятия корпорации "Боинг" в Сиэтле. Это – первая в истории США крупная забастовка "белых воротничков", которые всегда причисляли себя к "среднему классу". Теперь наряду с рабочими, и не только североамериканскими, они оказались под угрозой массовых увольнений: общее число работников "Боинга" в мире за 1999 год сократилось с 228 до 197 тысяч, и предстоят дальнейшие сокращения. Забастовка закончилась успехом благодаря, во-первых, единству действий профсоюзов "белых" и "синих" воротничков и, во-вторых, финансовой поддержке АФТ-КПП (AFL-CIO). Бастующие добились не только повышения зарплаты и выплаты премиальных, но, главное, отражения в коллективном договоре прав профсоюзов. "Белые воротнички" впервые ощутили насущную потребность в организации, способной защитить их рабочие места. В

то же время профбоссы не могут не понимать, что если не поддержат этих требований, то скоро останутся генералами без армии. И так уже в 1999 году членами профсоюзов были лишь 13,9 % наемных работников США (из них только 9,3% в частном секторе) и лишь 2,5% "белых воротничков". Один штат за другим - в их числе Техас, Аризона и Канзас, где также находятся предприятия "Боинга", - принимает "законы о праве на труд", накидывающие на профсоюзы финансовую удавку под старым как капиталистический мир предлогом защиты "свободы" трудовых отношений⁷. Неудивительно, что АФТ-КПП, прежде желтейший из желтых профцентров, принял самое активное участие в выступлениях антиглобалистов в том же Сиэтле, а в Калифорнии на руководящие профсоюзные должности впервые избрали коммунистов⁸. Глобализация угрожает ликвидировать североамериканскую рабочую аристократию как социальную группу, выровняв социально-трудовые стандарты полушария по среднелатиноамериканскому (в лучшем случае) уровню. Соотношение оплаты руководителей предприятий и рабочих в США, составлявшее в 1980 году 42:1, в 1999-м дошло до 475:1.⁹

По мере роста экономического могущества ТНК метрополии превращаются в такие же объекты эксплуатации и манипулирования, какими раньше были страны зависимой периферии. И касается это не одних США.

Исчезающие регионы.

Мы уже говорили о балканской войне, которая обернулась потерями для всех европейских стран, в ней участвовавших, - от падения курса евро до превращения военнотружущих европейских армий, не говоря о жителях Косова, в подопытных кроликов для испытания снарядов с обедненным ураном. Упомянутые наследники Мас Каносы недавно приватизировали большое подразделение Telefonica - крупнейшей из ТНК испанского происхождения, контролирующей инфраструктуру связи в ряде латиноамериканских стран. Мы не случайно

употребили словечко “прихватизировать”: в духе лучших российских и аргентинских образцов контрольный пакет перешел от испанского государства к флоридской мафии за смехотворную сумму, притом до сих пор не выплаченную. Новые хозяева начали с того, что уволили половину рабочих, а оставшихся перевели на краткосрочные контракты при неполном рабочем дне¹⁰. Так что российско-аргентинские стандарты трудовых отношений успешно внедряются и на европейской почве. И не к подобным ли результатам приведет расширение Евросоюза на восток и юго-восток?

Три года назад одному из авторов довелось побывать в Германии и услышать там от пожилого западного немца: "Советские оккупационные власти считались с немецкой государственностью гораздо больше, чем теперешние евробюрократы." Показательно, что в странах ЕС набирает силу идея передачи все больших полномочий от сложившихся в ходе исторического развития Европы национальных государств к входившим до сих пор в их состав регионам. Умеренные ограничиваются при этом перераспределением полномочий в рамках “Европы регионов”, радикалы же добиваются выхода своих регионов из национальных государств и вхождения напрямую в Евросоюз. При этом для них совершенно несущественно, идет ли речь о реально существующих небольших нациях, не получивших в прошлом возможности самоопределения, или о псевдонациональных образованиях. Так, независимости Северной Италии добивается Ломбардская лига, активная деятельность которой предшествовала победе на выборах 2001 г. транснационального медиа-магната Берлускони точно так же, как опереточное выступление техасских сепаратистов - победе Буша. Показательно, что идеи регионализма и сепаратизма продвигают именно регионы наибольшей концентрации транснационального капитала. Таковы Ирландия, Шотландия, Бавария, Страна Басков, Каталония и, конечно же, Ломбардия и Техас. Нечто подобное намечается и в других регионах мира: на севере и юге Мексики, в бразильском штате Сан Паулу, в Юго-Восточной Азии, а также в России. Калининградская область вполне может оказаться теснее связанной с ЕС,

богатые сырьем полярные территории - с Северной Америкой, Дальний Восток - с Японией, чем с далекой Москвой, особенно при нынешней политике этой Москвы, оставляющей окраины не только без инвестиций, но даже без тепла и света.

Вот какие регионы на самом деле адекватны нынешнему положению дел – вовсе не крупные, исторически сложившиеся, которые, по мысли “многополюсников”, должны составить противовес "золотому миллиарду". Те претерпевают, в свою очередь, изменения не меньшие, чем прежние империалистические метрополии, превращаясь постепенно в такую же видимость.

Во-первых, они становятся все более внутренне разнородными. "Исламская" общность интересов между нефтяными эмиратами Персидского залива и нищими Бангладеш или Сомали – такая же фикция, как "латиноамериканская" общность Монтеррея или Сан Паулу с обездоленными Гаити, Гватемалой, Эквадором. Во-вторых, былая противоположность империалистических метрополий *в целом* и зависимых от них стран *в целом* сменяется переплетением капиталов тех и других. В самом деле, можно ли говорить "вообще" о противостоянии империализму этих регионов или тем паче о противостоянии "золотому миллиарду" иных "цивилизаций", если Саудовская Аравия получает от своих вкладов в транснациональных банках больше, чем от экспорта нефти, а венесуэльскому государству принадлежит одна из крупнейших сетей бензоколонок в США? В-третьих, транснациональная финансовая олигархия располагает огромными возможностями манипулирования экономикой целых регионов. Мировая экономика стала виртуальной по крайней мере на 90%, что дает крупным спекулянтам возможность регулировать финансовые потоки таким образом, чтобы вызывать банкротства целых стран и экономических блоков. Так случилось в 1996 году в Мексике, 1997 году - в Южной Корее и странах АСЕАН, в 2000 году - в Турции. Целый ряд стран принудили привязать национальную валюту к доллару США или вообще заменить ее долларом (Сальвадор,

Гватемалу, Панаму, Эквадор, Аргентину, Восточный Тимор) или маркой ФРГ (Черногорию). Утечка капиталов, с которой еще в 70-е годы познакомились страны ОПЕК, в 80-е - Латинская Америка, а в последние 10 лет Россия, - мощный механизм денационализации господствующего класса, интегрируемого в состав транснациональной олигархии.

Разумеется, кроме финансовых, в арсенале олигархии остаются и иные способы манипулирования судьбами стран и народов. В средства манипулирования сплошь и рядом превращаются те самые исторические характеристики регионов и застарелые конфликты внутри них и на их рубежах, за которые цепляются национал-патриоты всех стран. В этом свете показательна судьба многих националистических движений “третьего мира”, в которых по старой привычке нередко продолжают видеть антиимпериалистическую силу. Здесь нам опять-таки придется напомнить недавнюю историю, которую одни успели забыть, другие же просто не знают.

Неусвоенные уроки.

В 1979 году в Иране произошла так называемая “исламская революция”. Духовенство и фундаменталисты провозгласили “исламскую республику”, призванную бороться против “большого шайтана” - США, “малого шайтана” - СССР и, конечно, против сионизма. Под аккомпанемент этих истинно многополюсных лозунгов были разгромлены подлинно революционные, действительно антиимпериалистические силы, которые, собственно, и свергли шахский режим. Правда, какие-то неизвестные исламские студенты совершили уж-жасно р-революционный акт: ворвались в посольство США и взяли в заложники дипломатов. Это очень помогло Рейгану победить Картера на президентских выборах. По случайному совпадению на следующий день после его инаугурации заложников освободили сами иранские власти.

Еще до этого, в самый разгар избирательной кампании в США, началась кровопролитная война Ирана не с кем-либо из “шайтанов” или хотя бы Израилем, а с единоверным Ираком. Она тянулась почти 10 лет. За это время не меньше миллиона иранцев и иракцев сложили головы, как им говорили, во имя защиты отечества и ислама. И через двадцать лет не уходит из памяти мелькнувшая в теленовостях умильная картинка: муллы *обеих* воюющих сторон призывают верующих к джихаду. А что было на деле? Саддам Хусейн перед самой войной провел переговоры со Збигневом Бжезинским и получил обещание помощи. Немного позже иранские правители тайно покупали у “большого шайтана” оружие, давая возможность администрации Рейгана-Буша без ведома конгресса финансировать никарагуанских контрабандистов. А главное, война позволила ТНК ослабить ОПЕК и взять под контроль цены на нефть: то ради своего обогащения взвинчивать их, то сбивать поставками из разных стран, чтобы дестабилизировать экономику СССР и помочь своим ставленникам довести его до перестройки и победы демократии.

Едва окончилась ирано-иракская война, США и их союзники обещали Саддаму Хусейну поддержку прав Ирака на Кувейт. Чем дело кончилось, хорошо известно: "Бурей в пустыне". ТНК снова смогли манипулировать ценами на нефть, а затем и взять основные ее месторождения под военный контроль. Были созданы оптимальные международные условия для разрушения СССР. Спрашивается, чем же оказались р-р-радикальные исламские студенты и сами правители Тегерана и Багдада, если не объектами манипулирования нефтяных и банковских ТНК?

Другой пример. В 1982 году военная хунта, бывшая у власти в Аргентине, вдруг вознамерилась вернуть отечеству потерянные полтора века назад Мальвинские (Фолклендские) острова. Взрыву генеральского патриотизма предшествовали забастовки и демонстрации левых перонистов, грозившие со дня на день смести режим. Хунта провела тайные консультации с Вашингтоном и заручилась обещанием поддержки. Аргентинские национал-патриоты вместо

свержения хунты поддержали ее во имя святого дела восстановления территориальной целостности страны. Когда же дошло до войны, США поддержали союзника по НАТО, и доблестные аргентинские генералы, умевшие воевать только со своим народом, капитулировали. Хунта пала, но к власти пришли не национал-патриоты, дискредитировавшие себя поддержкой кровавого режима, а либералы, надевшие белоснежные ризы борцов за права человека. Было покончено с притязаниями аргентинского государства на контроль над ТНК; для Латинской Америки и не только для нее был создан прецедент контролируемой ТНК “победы демократии”.

Во всех этих случаях люди, понимающие антиимпериализм с узконационалистической точки зрения, выступали против одной империалистической группировки при поддержке другой. При этом они воображали, будто используют противоречия между империалистическими державами и внутри таковых. На деле же использовали их самих. Горькие антиимпериалисты, не способные даже учиться на ошибках себе подобных, оставались в дураках, если, конечно, не были циничными участниками игры олигархов. За все расплачивались поверившие им народы.

Так было в годы, когда существовали СССР и Организация Варшавского договора. Тогда ТНК еще не набрали полную силу, однако под их воздействием “двуполюсно-полицентрический” мировой порядок уже вступил в полосу кризиса. Это и проявлялось в неспособности тогдашних многополюсников всерьез противостоять новым формам империалистического господства. Что же говорить о нынешней ситуации?.

Те, кто предлагает своей стране роль “региональной державы”, а своему историческому региону - роль одного из полюсов “многополюсного мира”, как правило делают ее объектом манипулирования тех самых транснациональных сил, которым вроде бы собираются противостоять.

Чьим национальным или конфессиональным интересам отвечала недавняя балканская война? Ислам, католицизм, православие и Декларация прав человека одинаково явились здесь средствами затуманивания мозгов. В обмен на прекращение поддержки боснийских сербов Милошевичу, как и Саддаму, была обещана западная помощь, а кроме нее - признание незыблемости границ “малой Югославии”. С согласия югославских и при участии российских правителей Босния и Герцеговина была взята под контроль "многонациональных сил". Но вскоре резко обострилась ситуация в Албании: неолиберальные реформы привели к первому в бывших соцстранах вооруженному восстанию. Потребовалось срочно направить энергию албанцев в другое, безопасное для "цивилизованного мира" и выгодное его хозяевам, русло. Тут-то натовские державы и озаботились национальными правами косовских албанцев, забытых цивилизованным миром (кроме Муссолини и Гитлера) со времен Берлинского трактата 1878 г. Был создан прецедент национального самоопределения посредством бомбардировок и оккупации. В итоге удалось избавиться от Милошевича и, главное, от последних остатков “коммунизма” на Балканах. Правда, остается еще вопрос, как быть с албанскими националистами, которые, получив кучу обещаний и, главное, кучу оружия, решили продолжить свое дело в Македонии. Можно не сомневаться, что их в скором времени ожидает такое же разочарование, как их сербских коллег.

И чьим интересам отвечает то, что происходит сейчас в Чечне? Национальным интересам чеченцев или русских, конфессиональным интересам ислама или православия, или же интересам нефте- и наркокорпораций? Ответ очевиден. Чеченский и русский народы в этой войне стали отчасти жертвами, отчасти пушечным мясом, а ислам и православие выступают в той же роли, что и на Балканах, и с таким же цинизмом.

Долгое эхо взрывов в США.

Но все эти примеры манипулирования национальными и религиозными противоречиями грозит оставить позади кризис, спровоцированный авиатаранами нью-йоркских небоскребов и Пентагона 11 сентября 2001 г. Не случайно нам с разных сторон упорно навязывают интерпретацию этих событий в духе этнического и/или конфессионального "столкновения цивилизаций" либо глобального заговора не то исламских фундаменталистов, не то сионистов, не то каких-то неведомых, чуть ли не сатанинских сил.

Мог ли это быть ответ отчаявшихся людей на империалистический "новый мировой порядок", разделяющий человечество на сверхэксплуатируемое большинство и горстку метрополий? Систематический массовый террор угнетателей против угнетенных, на котором этот порядок держится, не идет ни в какое сравнение со всеми акциями преследуемых ими "международных террористов" вместе взятыми. Достаточно вспомнить латиноамериканские хунты с их "эскадронами смерти", кровавый переворот в Чили, о котором вечно будет напоминать дата 11 сентября, непрекращающееся истребление революционеров и рабочих активистов Колумбии, оккупированную Палестину. Когда защитники "мировой цивилизации" и примкнувшие к ним оппортунисты проливают слезы о тысячах "невинных жертв" на Манхэттене, им нет дела до многих миллионов жертв грабежа большей части мира транснациональной финансовой олигархией. Если бы речь в самом деле шла об акции возмездия, какие не раз совершались в Ливане и Палестине, то стали бы понятны точность выбора экономических и военно-политических целей, четкость организации, конспирация и самопожертвование людей, шедших на верную смерть. Это, конечно, не оправдало бы "мстителей за глобализацию", позволивших манипулировать своим мщением именно тем, кто добивается укрепления этой глобализации. Террор одиночек никогда еще не достигал цели, наоборот, всегда служил поводом к массовому террору реакции, и это теперь происходит тоже в глобальном масштабе.

Западный обыватель, с удовольствием подбирающий крохи со стола грабителей и готовый с безопасного расстояния расстреливать безоружных, должен теперь быть готов к тому, что его собственная безопасность будет в один прекрасный день нарушена. Однако, многое в нынешних событиях, вызывает, мягко говоря, удивление. Анонимность предполагаемых террористов лишает их акцию политического смысла. Непонятен выбор момента атаки – раннего утра, когда в офисах на Манхэттене и на соседних улицах были в основном мелкие клерки, вахтеры и уборщицы с темным цветом кожи или с латиноамериканскими паспортами. Но особенно поражает неспособность американских и иных спецслужб, космических систем слежения за полетами предотвратить авиатараны. Спецслужбы проявили поразительную оперативность только в одном – в озвучивании официальной версии случившегося. Что стоит за этим - полнейшая некомпетентность и произвол или по меньшей мере соучастие? Давно известен метод: следя за отчаявшимися радикалами, позволить, а то и помочь им выполнить задуманное. В данном же случае вообще закрадывается сомнение: существовали ли неведомые террористы? Современные технические средства управления полетами позволяют организовать подобные акции и без них. Вспоминается гибель южнокорейского лайнера в воздушном пространстве СССР в 1983 году и самолета Саморы Машела в 1986-м. В памяти всплывает и взрыв линкора "Мэн" с чернокожими матросами (белым офицерам заранее дали увольнительную на берег – не правда ли, похоже?) на гаванском рейде в 1898 году, ставший поводом к испано-американской войне; и поджог рейхстага нацистами в 1933 году - попытка связать коммунистов с "международным террористом" Ван дер Люббе; и "тонкинский инцидент" 1964 года, подтолкнувший Конгресс США к печально известной резолюции, что открыла путь войне в Индокитае.

Подобно всем этим провокациям прошлого и позапрошлого века, нынешние авиатараны произошли в весьма напряженный для мирового капитализма момент. Позиции доллара в международной финансовой системе колебались,

экономические показатели в США падали. Антиглобалистское движение уже не сводилось к выступлениям молодежи в местах встреч сильных мира сего. Штабу неолибералов – Всемирному экономическому форуму, проводившему встречу в Давосе, пришлось иметь дело с Всемирным социальным форумом в бразильском городе Порту Алегри, где собрались представители 122 стран, в первую очередь – массовых профсоюзов стран Южной Америки. На конференции против расизма в Дурбане народы бывшего "третьего мира" попытались сформировать единый фронт, потребовать справедливого решения международных проблем, в частности палестинской, и даже – что за наглость! – возмещения награбленного за столетия колониализма и империалистической эксплуатации. Чуть не взбунтовались даже лидеры крохотных островов на востоке Карибского моря, в том числе Гренады, испытавшей 18 лет назад американскую оккупацию: они согласились приехать в Ливию для переговоров об экономическом сотрудничестве. Одним словом, капиталистическому миру и прежде всего США угрожал серьезный экономический и политический кризис, а выхода из таких кризисов империалисты всегда искали на путях милитаризации и интервенций.

Специфика момента состоит еще в том, что возникли достаточно острые противоречия между транснациональной олигархией и ее прежними слугами – ультраправыми. До недавнего времени, пока диктатура транснациональной олигархии еще не была полной, она в значительной мере осуществлялась посредством полулегальных террористических формирований ультра, напоминающих штурмовые отряды шедших к власти нацистов. В 70-е – 80-е годы XX века эта сеть охватила весь капиталистический мир – от метрополий до окраин зависимой периферии. Не секрет, что террористические организации тех же исламских фундаменталистов создавались около 20 лет назад при самом активном участии спецслужб США и их союзников для войны против афганской революции и СССР, а затем были неоднократно задействованы на Балканах и в странах СНГ.

Теперь эта сеть в прежнем виде становится ненужной, более того – обременительной и даже опасной для своих хозяев. В 90-е годы транснациональная олигархия энергично пресекла попытки правых фундаменталистов прорваться к власти в Алжире, Турции, Пакистане и других странах. Одним талибам удалась была такая попытка, но против них сразу же была развернута международная пропагандистская кампания. Звенья ультраправой террористической сети, выходящие из-под контроля истинных хозяев, подлежат разгрому подобно штурмовикам Э. Рема в "ночь длинных ножей". Остальные будут включены в новую глобальную систему подавления на вторых ролях.

Это касается не одних исламских фундаменталистов. Упрямство ультраправых США, не приемлющих интеграции Западного полушария за счет привилегий собственного "среднего класса", совсем не в интересах ТНК, и из этого делаются практические выводы. В последние годы полиция США начала вершить привычный суд Линча уже не над левыми, а над правыми радикалами из доморощенных фундаменталистских сект. С латиноамериканскими ультра, слишком запятнавшими себя и слишком много знающими о темных делах хозяев, тоже обходятся не очень деликатно. На Гаити их отстранили от власти путем интервенции. Многим другим "героям" антикоммунистического террора 70-х – 80-х годов, начиная с Пиночета, реально грозит судебное преследование. "Эскадроны смерти" колумбийских ультра включены США в список террористических организаций наряду с левыми партизанскими организациями. Наследники Мас Каносы, после прихода к власти Буша ожидавшие вознаграждения, явно разочарованы линией госдепартамента и Пентагона (!) на осторожное налаживание контактов с Гаваной. 11 сентября – в годовщину переворота в Чили - открылась чрезвычайная сессия Организации американских государств, одобрявшая "Демократическую хартию". Это - крупный шаг к политической интеграции Западного полушария на условиях, невыгодных крайне правым Латинской Америки. Деяния в духе Пиночета и Фухимори отныне

становятся несовместимыми с членством в ОАГ и влекут за собой международное вмешательство.

Естественно, что современные "штурмовики" пытаются защищаться привычными методами провокаций и террора, используя давние связи в деловом мире, госаппарате и особенно спецслужбах. Все крупные террористические акции на территориях империалистических метрополий за последние годы (применение нервно-паралитического газа в Токио, взрыв торгового центра в Оклахоме и т. д.) совершены не левыми и не патриотами стран "третьего мира", а местными ультраправыми. Еще больше возможностей у базирующихся на территории США террористических группировок, которые десятилетиями действовали против неудобных им государств при поддержке их спецслужб. Такова прежде всего антикубинская эмигрантская мафия Майами, на счету которой множество преступлений от взрыва в 1976 г. гражданского самолета со всеми пассажирами до вторжений в воздушное пространство Кубы в 90-х годах. Летом в Майами устроили шумный процесс по обвинению в "заговоре" и "шпионаже" пяти кубинских патриотов, благодаря которым Клинтон был своевременно информирован о подготовке флоридскими ультра террористических акций на американской территории. Как знать, не было ли это судилище устранением препятствия на пути к нынешнему "черному сентябрю"?

И зачем бы понадобилось предполагаемым исламским террористам выбирать для атаки города, проголосовавшие против Буша, и в них – здания, в одном из которых находится штаб-квартира Организации стран-экспортеров кофе (кстати, организация эта теперь распалась, а цены на кофе упали до самого низкого с 1957 года уровня; больше всех страдают Индия, Вьетнам, латиноамериканские и африканские страны)? Почему орудием тарана избрали продукцию недавних забастовщиков, а потом откуда-то пошли "утечки информации" о будущем теракте именно в Сиэтле? Это похоже скорее на почерк конкурирующих ТНК и/или профессиональных политических провокаторов, и вдобавок - на подлую месть вполне в традициях тех, кто еще во второй мировой войне целенаправленно

стирал с лица земли города с левыми традициями - Гамбург, Киль, Лейпциг, Дрезден.

Сразу вслед за началом бомбардировок Афганистана с той же Флориды началась рассылка по почте спор сибирской язвы. Фармацевтическим ТНК гарантирован рынок, сторонникам обладания биооружием – аргументы, и даже в покойный СССР брошен камень: раз язва, то конечно же сибирская - прямо из секретных арсеналов империи зла! И никто не вспоминает, что буквально за несколько дней до 11 сентября США почему-то вышли из договора о запрещении биологического оружия, а по опыту его применения кубино-американская мафия не имеет себе равных.

Впрочем, провокация, как нередко случается, отчасти вышла из-под контроля провокаторов, и ее непосредственные цели пришлось менять на ходу. В первые часы после авиатаранов были озвучены версии, наводившие якобы на след леворадикальных организаций (колумбийских, палестинских, японских) - потенциальный повод для широкой интервенции в Колумбию и/или Палестину с последующим распространением на "страны-изгой" - Кубу, КНДР, Ливию, Сирию, Ирак. Но эти версии были почти сразу преданы забвению, а весь огонь сосредоточен на *правых*, тесно связанных в прошлом с ЦРУ, - бен Ладене и талибах. Почему?

США, как и предупреждали серьезные специалисты, проявили внутреннюю слабость и явную неспособность к серьезной войне. Захват нескольких самолетов заставил администрацию ввести в действие чрезвычайный план действий на случай ядерной войны. Наглядно предстала уязвимость современных мегалополисов и транспортно-коммуникационной инфраструктуры. В критической ситуации власти проявили растерянность, а общество, так долго предлагавшее себя другим в качестве образца, поддалось массовой панике. Дряхлеющему хищнику мог оказаться не по зубам противник, способный к серьезному и длительному сопротивлению. Другое дело одиозный режим талибов: он не располагал ни современным вооружением, ни

квалифицированными кадрами, ни прочной государственной властью и не мог рассчитывать ни на серьезную международную солидарность, ни на поддержку народа, обессиленного многолетней войной и разгулом клерикальной реакции. Более того: режим, установленный при участии тех же правых республиканцев, которые теперь взялись воевать с ним, не мог не быть пронизан их агентурой. Имелись все основания ожидать, что ее влияние в критический момент позволит вообще избежать серьезной войны, как бывало за последние годы не раз – от Аргентины и Гаити до Югославии. Так и произошло: талибы фактически без боя сдали Кабул и другие города как раз в момент "судьбоносного" визита Путина в США. В Вашингтоне сразу же начали строить планы аналогичного блицкрига в странах, где ситуация подобна афганской: Судане, Сомали, Йемене.

"Крестовый поход" против внутренне слабого противника позволяет организаторам с минимальным риском решить сразу несколько задач.

Во-первых, продолжить дело, начатое "Бурей в пустыне", - поставить крупнейшие в мире запасы нефти и газа, сосредоточенные на Ближнем и Среднем Востоке, под прямой военно-политический контроль транснациональных нефтяных корпораций, с которыми администрация Буша тесно связана.

Во-вторых, традиционным путем гонки вооружений выйти на какое-то время из экономического кризиса и столь же традиционным методом "маленькой победоносной войны" консолидировать американское общество вокруг "сильного" (?!) лидера, придать режиму Буша недостающую легитимность.

В-третьих, как и во время войны на Балканах, удержать европейских союзников в узде "атлантической солидарности" как политически, так и экономически.

В-четвертых, резко ускорить подключение России и стран СНГ к системе военно-политических структур транснациональной олигархии, пресечь попытки российских лидеров лавировать между США, Западной Европой и Китаем.

В-пятых, создать азиатский аналог Боснии и Косова – оккупационную зону на стыке границ ведущих держав Азии: Китая, Индии, Пакистана, Ирана, - и

получить возможность манипулировать противоречиями между ними, посредством управляемых конфликтов держать их в фарватере транснационального капитала.

В-шестых, окончательно взять под жесткий контроль обе стороны конфликта на Ближнем Востоке, где урегулирование по-американски явно буксует.

В-седьмых, под флагом *глобальной* борьбы с международным терроризмом получить карт-бланш на глобальный интервенционизм и ограничение гражданских свобод и пресловутых "прав человека" во всем мире, в том числе внутри США, - ввести, например, полицейский режим на тех же предприятиях "Боинга", не говоря уже о завинчивании гаек в отношении рабочих-иммигрантов.

Все эти ближайшие цели вписываются в качественно новый процесс становления наднациональных институтов глобального масштаба. Симптоматично, что в нынешней интервенции даже НАТО отодвинули на второй план – ведь этот блок есть все же организация *государств*, тогда как транснациональной олигархии сподручнее посылать своих ландскнехтов куда ей выгодно без их посредничества. Показательно, что каждая последующая интервенция больше, чем предыдущая, выходит даже из-под формального контроля межгосударственных организаций: "Буря в пустыне" была устроена все же по мандату ООН, балканская война была делом НАТО, а теперь обошлись и без нее! Создание не контролируемых никем, кроме истинных хозяев США, военно-полицейских сил; введение повсеместного контроля за финансовыми операциями под предлогом пресечения финансирования террористов; всемирная сеть спецслужб, обменивающихся информацией о тех, кого они без всякого общественного контроля зачисляют в террористы, – все это по существу есть формирование органов глобальной диктатуры транснационального капитала.

Народы перед выбором.

Регионализм сегодня не способен противостоять империалистической глобализации, зато сплошь и рядом становится формой ее проявления, причем одной из самых реакционных. В "лучшем", с точки зрения так называемых национал-патриотов, случае речь может идти о реальных или потенциальных "центрах силы" – государствах, стремящихся к региональной гегемонии, но опутанных со всех сторон узами экономической и военно-политической зависимости от гораздо более могущественных сил транснационального капитала. Такого рода запоздалые заявки олигархии зависимых стран на территориальный передел мира в духе первых десятилетий XX века получили в Латинской Америке название *субимпериализма*. Чего реально стоит подобного рода "державность", наглядно показывает поведение пакистанских, турецких, да и российских правителей в ходе афганского кризиса.

Эту тенденцию необходимо иметь в виду и тогда, когда речь заходит о праве наций на самоопределение. С тех времен, когда эта идея была поддержана В.И. Лениным и превратилась в один из лозунгов мировой антиимпериалистической борьбы, много воды утекло. Конечно, и сегодня можно понять приднестровцев и абхазов, курдов и тиморцев, поднимающих флаг государственной независимости в отчаянной попытке спастись от национального гнета и прямого геноцида. Но нельзя не видеть, что при нынешнем соотношении мировых сил освободительные порывы отдельных, тем более немногочисленных, народов имеют шансы на относительный успех лишь в тех случаях, когда поддерживаются одними империалистическими или субимпериалистическими "центрами силы" против других. Даже при такой "благоприятной" конъюнктуре в лучшем случае удастся добиться на время состояния "непризнанных государств" под чьим-то неофициальным прикрытием (вчера – сербы Боснии и Хорватии, сегодня - Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах) или ограниченной автономии (Босния, Палестина и т.д.). Но о воссоединении разделенных народов и действительной независимости, позволяющей всерьез отойти от предписанной транснациональным капиталом линии, в этих условиях не может быть и речи.

Подобные ситуации и прежде нередко вели к превращению того или иного национального движения в разменную монету межимпериалистических сделок. Теперь же, когда интересы самих "центров" все больше подчиняются логике империалистической глобализации, "центры" и "субцентры" особенно легко переходят от использования национальных движений в своих целях к их сдаче на расправу. После контрреволюции в большинстве раннесоциалистических стран на мировой арене не осталось реальной силы, способной противостоять транснациональному капиталу, и создать ее в национальных масштабах не представляется возможным.

Исключения из этого правила мыслимы лишь в одном случае – когда **региональное противодействие “однополюсности” совпадает с классовым.** Если бы Китаю удалось сохранить социалистическую направленность развития, он мог бы в исторически короткий срок вырасти до экономической и военной “сверхдержавы”, так как под эту роль был бы подведен базис, качественно отличный от глобализирующегося монополистического капитализма. Тогда мир принял бы не “многополюсный”, а, в соответствии с законами физики и истории, диполлюсный вид. Вокруг социалистического полюса могли бы объединиться географически и социально близкие ему КНДР, Вьетнам, Лаос и, возможно, Монголия. Далеким, но надежным союзником новой социалистической сверхдержавы стала бы Куба. Вокруг нового социалистического блока мог бы сложиться пояс дружественных стран, которым экономическое и политическое притяжение этого “полюса” помогало бы избежать поглощения империалистической глобализацией. Важнейшее место среди таких стран могла бы занять Россия.

Судя по всему, в Вашингтоне и в штаб-квартирах транснациональных банков разглядели эту единственную серьезную угрозу своим притязаниям. В 1997-98 гг. дальневосточные соседи КНР и возвращаемый ей Сянган подверглись финансовой бомбардировке, одной из главных целей была попытка нанести удар юаню и тем дестабилизировать китайскую экономику. Но финансовое оружие

дало осечку: как оказалось, КНР - совсем не то, что тесно привязанные к транснациональной банковской системе “драконы”. И вот совсем недавно президент Буш заявил, что США не могут больше играть роль мирового жандарма в одиночестве, готовы разделить ее с Евросоюзом и сосредоточиться на азиатском направлении, т.е. на противостоянии Китаю. Итак, мистер президент видит в мире как минимум три “полюса” - США, Евросоюз и Китай, и один, видимо, собирается уничтожить. В самом деле, как смеют эти азиатские унтерменши требовать извинений за вторжение в их воздушное пространство американского разведывательного самолета и гибель их летчика? Как посмел Цзян Цзэминь побывать с визитом на Кубе, да еще прибыть туда в день 40-ой годовщины разгрома американских наемников на Плайя Хирон?

Конечно, Вашингтон и ведущие ТНК больше всего устроило бы, если бы КНР разделила участь СССР - пала жертвой внутреннего капиталистического перерождения, катализируемого массивным давлением извне. Нельзя сказать, что эти расчеты лишены оснований. Они опираются на высокий уровень глобального обобществления капитала, в которое активно вовлекается и КНР; значительное развитие капиталистического уклада в самом Китае; наличие сильного китайского капитала за рубежами КНР; гораздо больший, чем во времена СССР, разрыв между империализмом и ранним социализмом в материальных ресурсах, технологии и военном потенциале. Как показал опыт СССР, бремя “второго полюса” непомерно тяжело, и неудивительно, что правящие круги КНР изо всех сил стремятся его избежать. Политика лавирования между Сциллой контрреволюции и Харибдой непосильного противостояния может в определенный момент оказаться не менее опасной – это тоже один из уроков СССР. Но есть и факторы, противостоящие “перестройке” в Китае. Это прежде всего - тяжелейшие для народных масс последствия неолиберальной глобализации, фактически равнозначные геноциду и неизбежно вызывающие отпор везде, где нет иллюзий скорого приобщения к “обществу выбрасывания”. А в азиатских странах, в отличие от СССР и особенно Центральной Европы, такие

иллюзии вряд ли возможны в силу социальной памяти о колониализме и недавних американских интервенциях, а также слабости так называемых демократических традиций. По всем этим причинам даже во времена “демократической” эйфории 80-х - 90-х гг. в Восточной Азии не получилось “бархатных революций”; теперь же печальный пример СССР стал дополнительным фактором антиимпериалистического воспитания и народных масс, и значительной части верхов.

Но если “бархатный” вариант контрреволюции в странах Восточной Азии не пройдет, организаторам останется только провоцирование войны. Тут очень пригодятся американские базы, создаваемые теперь в Узбекистане и Таджикистане. Однако, армия мирового жандарма, доблестно унесшая ноги от сомалийских повстанцев, естественно, не справится не то что с Китаем, но даже с КНДР. В США несколько лет назад провели исследование, показавшее, что война с Пхеньяном имеет все шансы закончиться не в пользу заокеанского Голиафа. Жандармы к серьезной войне не приспособлены. Придется искать союзников. Первой на эту роль напрашивается Индия, традиционный соперник Китая; второй, увы, Россия. Не зря администрация Буша уже предлагает Дели и Москве “стратегическое партнерство”. Именно такую перспективу и намечает “антитеррористический” поход Вашингтона и его союзников при участии России и среднеазиатских стран СНГ в граничащий с Китаем Афганистан.

Российский истеблишмент, не попытавшись даже выиграть время для анализа ситуации, поспешил пристроиться в кильватер проклинаемого еще вчера Вашингтона и с неприличной поспешностью отказался от всего, что могло бы обеспечить стране и ему самому хоть относительную самостоятельность, будь то миротворческая миссия в Абхазии, радиолокационная станция на Кубе или даже поддержание высоких цен на нефть. Не так уж важно, каковы субъективные мотивы тех или иных деятелей, - кто из них лелеет надежду превратить группу 7+1 в действительную восьмерку, кто рассчитывает на поддержку в борьбе с чеченским сепаратизмом, кто даже на реванш за бесславный уход из Афганистана

десять лет назад, а кто поддается элементарному шантажу по поводу финансовых и иных делишек. Все эти и подобные расчеты, большей частью обреченные на провал, вписываются в единую тенденцию. Господствующий класс нынешней России заинтересован не в защите национальной независимости, а в скорейшем включении страны в систему империалистических блоков ради упрочения своего господства. Поэтому реставрация в России зависимого капитализма закономерно ведет к реставрации еще одной неотъемлемой черты "России, которую мы потеряли", – вовлечения страны в империалистические войны за чуждые ее народам интересы.

"Новым русским" и их партнерам нет дела до того, что изувеченная контрреволюцией страна находится в худшем экономическом и демографическом положении, чем любой из окружающих ее реальных и потенциальных "центров силы". Официальные и оппозиционные "патриоты" любят поговорить об имперских традициях, забывая, что участь пришедших в упадок империй - становиться объектом раздела и полем боя; так Священная Римская империя германской нации стала полем боя Тридцатилетней войны, так были разделены Речь Посполитая и Османская империя. Те, кто вызывает призрак Российской империи и играет с огнем возле пороховых погребов Азии, невольно помогают своей стране стать не субъектом, а объектом передела мира, хуже того - полем боя, на этот раз - с применением современных видов оружия.

В Азии с колониальных и доколониальных времен осталось более чем достаточно мин замедленного действия, способных взорвать мир. Почти каждая страна имеет свое Косово или Чечню, а большинство - сразу несколько. Реакционные силы хорошо научились переводить растущую социальную напряженность в русло сведения счетов с людьми иной веры или национальности. Так, в Пакистане и Индии растет влияние крайне правых, выступающих под флагом исламского и индусского фундаментализма. Эти тенденции проявляются как во внутренней, так и во внешней политике. Почти у всех стран региона есть территориальные претензии друг к другу. Военный, в том числе ядерный,

потенциал крупных азиатских стран нарастает. При этом преобладает тенденция не к многополюсности, а к складыванию противостоящих группировок государств. Противоречия между Китаем и Индией еще в 60-е гг. привели к сближению КНР с Пакистаном. Особые связи этих двух стран сохраняются и ныне. С другой стороны, ельцинско-путинская Россия унаследовала от СССР особо тесные связи с Индией. Весьма сложны отношения КНР со странами АСЕАН, из которых одни традиционно связаны с США и Японией, другие - с Россией.

Таким образом, налицо предпосылки большой “субимпериалистической” войны, которая по разрушительности и числу жертв может приблизиться к двум мировым войнам, если не превзойти их. В свое время Ф. Энгельс с полным основанием опасался повторения Тридцатилетней войны в более страшном виде в Европе XX века. Европу и мир спасли от такой перспективы раннесоциалистические революции. После их поражения та же опасность стала грозить Евразии XXI века. И она реализуется, если страны азиатского суперрегиона, не желая покоряться транснациональному капиталу в обличье однополюсности, не распознают его под личиной многополюсности; если они позволят втянуть себя в управляемую им конфронтацию.

Если же социализм в Восточной Азии все-таки падет жертвой капиталистического перерождения, то человечество ожидает тягостный период глобальной реакции. Ранний социализм на какое-то время уйдет не только с европейской, но и с мировой арены. Глобализация получит дополнительный импульс и сделает мир фактически *бесплюсным*, хотя вначале, вероятно, при *видимости* американской гегемонии. Но этот мир неограниченного господства транснационального капитала будет не “концом истории”, а ареной ускоренного созревания предпосылок качественно нового ее этапа. Развитие глобального капитализма, оставаясь неравномерным, станет интегрированным не в меньшей, а может быть, и в большей мере, чем раньше в рамках отдельных стран. Этим

глобальная реакция подготовит почву для глобальной, уже не ранней, а зрелой, социалистической революции.

Деятельность ТНК уже начинает размывать деление мира на горстку метрополий с самодовольной "рабочей аристократией" и сверхэксплуатируемую, но мало способную к организованной борьбе "мировую деревню". Антиимпериалистическими силами XX века, к сожалению, не удалось преодолеть это деление, составлявшее едва ли не самую реакционную сторону империализма, *революционным* путем, что явилось одной из главных причин их поражения. Но теперь оно подрывается *реакционным* путем. Транснациональный капитал, создавая глобальные производственные комплексы, превращает "мировую деревню" в мировой "фабричный пригород" и начинает уничтожать привилегии "рабочей аристократии" метрополий. Тем самым он отнюдь не перемещает классовые антагонизмы в сферу межгосударственных отношений, а, наоборот, выводит их из этой сферы даже в той мере, в какой они прежде туда входили.

Как бы ни развивались события в ближайшие годы, ясно одно: тем, кто хочет быть подлинными коммунистами, нельзя ограничиваться обличениями реакционных, мучительных для народов, перипетий империалистической глобализации. Надо учиться исследовать ее как объективный процесс, создающий предпосылки нового этапа классовой борьбы. Нельзя заикливаться на противопоставлении пресловутого "золотого миллиарда" остальному миру. Задача левых сил состоит сегодня не в том, чтобы отчаянно пытаться затормозить империалистическую глобализацию, цепляясь за остатки прежнего миропорядка. Не в том, чтобы в ужасе заламывать руки: "Если мы завтра не придем к власти, то всему конец". Не в том, чтобы участвовать в "государственническом" политиканстве, становясь незаметно для себя объектом манипулирования классового противника. Не в том, чтобы искать союзников в лагере деградирующего национализма и клерикализма, принижая свое мировоззрение до их уровня.

Единственная возможность преодоления империалистической глобализации - коммунистическая универсализация мира, а единственное мировоззрение, руководствуясь которым можно ее достичь, - пролетарский интернационализм. При всех вариантах дня завтрашнего день послезавтрашний принадлежит мировому пролетариату, составляющему ныне абсолютное большинство человечества. Главная его задача - противопоставить глобальной организации классового противника свою международную организацию. Только с ее помощью народы, угнетаемые транснациональным капиталом, смогут действительно взять свою судьбу в свои руки. Другие формы сопротивления современному империализму могут стать исторически перспективными лишь в той мере, в какой они будут сближаться с организованной международной борьбой пролетариата.

---

¹ См. Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? III. / Правда. № 34. 29.03.2001.

² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС. Т.27. С.387.

³ Ленин В.И. О брошюре Юниуса. ПСС. Т.30. С.6.

⁴ Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? II. / Правда. № 33. 27-28.03.2001.

⁵ Там же.

⁶ Catherine Sauviat. La huelga de los "cuellos blancos" en Boeing: una primicia en Estados Unidos. /Realidad económica. Buenos Aires, N 177. P.70.

⁷ Ibid. P. 69.

⁸ Juan López (EE.UU.). El movimiento democrático se ha fortalecido. /El Siglo. Santiago de Chile, N 8698. 12-18.01.2001.

⁹ Catherine Sauviat. La huelga de los "cuellos blancos" en Boeing: una primicia en Estados Unidos / Realidad económica. Buenos Aires, N 177. 1.01. - 15.02.2001. P.70.

¹⁰ Aldo Madruga. La mafia de Miami golpea en España. / Granma Internacional. La Habana, N 6/ 11.02.2001.